

два письма в редакцию, подписанные четырьмя человеками. Думаем, что этого достаточно, чтобы проверить и второе ложное утверждение „К. З.“

Спрашивается: зачем это было делать?

— Господа из „К. З.“, оставьте мертвых в покое!

Сотни лет, сотни

Ты ступенную ти

Оттого — так незу

И в ресницах извещ

10 февр. 1929.

(Прага.)

Чтобы не было никаких недоразумений в будущем, заявляем наперед, что в никакие споры и полемику с „К. З.“ вступать не будем, как не будем реагировать другой раз ни на какие „справки“. Думаем, что читатели „В. К.“ нас поймут.

Некоторым же молодым людям скажем:

Чтобы делать пакости, большого ума не нужно. Другое дело — творчество, созидание. Так вот: попробуйте сделать чтонибудь хорошее!

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

М. Г., Господин Редактор!

Не откажите в любезности поместить в уважаемом журнале „Вольное Казачество“ следующую справку:

В 1-м номере „Казачья Земля“ была напечатана фактическая справка относительно стихотворения покойного Юрия Ф. Гончарова, напечатанного в журнале „В. К.“, № 33, как посвящение памяти О... — якобы это стихотворение не было посвящением.

Мы заявляем, что это стихотворение действительно было посвящено памяти О..., ибо перед тем, как дать свое посвящение для напечатания, покойный Юрий Гончаров был у нас в доме и просил совета, удобно ли ему поместить это посвящение сыну редактора и будет ли это тактично. Мы посоветовали ему дать это стихотворение, именно, как посвящение, что Ю. Гончаров и сделал.

Любовь и Михаил Самсоновы.

Прага.

М. Г., Г-н Редактор!

Просим напечатать в редактируемом Вами журнале „В. К.“ нижеследующее:

Мы, соратники покойного Ю. Гончарова по редакции „В. К.“, из его с нами разговоров знаем, что стихотворение, помещенное в № 33 „В. К.“, действительно посвящалось им „памяти О...“.

Оно было уже оставлено им в редакц. портфеле с материалами, но было взято на другой день обратно, (о чем ред-р не знал).

„... Может быть неудобно будет на чужое горе стихотворением откликаться“ — говорил он одному из нас.

„... Боюсь, как бы люди не подумали, что я пользуюсь случаем защищать кроны“ — говорил он другому.

Стихотворение это мы читали и каждый из нас видел на нем надпись: „памяти О...“.

Заявление это делаем по поводу „справки“ данной на стр. „Каз. Земли“ № 1, относительно этого стихотворения.

С. Балыков, Е. Прокопов.

Письмо в Редакцию.

М. Г-рь, Г. Редактор, просим поместить в ближайшем номере журн. „В. К.“ нижеследующее наше заявление, которое одновременно посылается нами и в Редакцию журнала „Родимый Край“.

Мы нижеподписавшиеся, б. члены „Литературной Казачьей Семьи“, настоящим заявляем: 1) что наш уход из „Л. К. С.“ ни в коем случае не вызывался каким бы то ни было давлением на нас со стороны общественных казачьих организаций и вышли мы не ради „удовлетворения самолюбия водительствовавших“ (Каз. Земля № 1), а каждый из нас принял решение самостоятельно, в разное время, но по одной и той же причине и, к счастью, без отеческого совета „выборного семьи“ И. И. Колесова.

Причина нашего ухода — сам подписавшийся под письмом во 2 номере журн. „Родимый Край“ выборный Ив. Ив. Колесов и его поступки.

Инцидент в редакции „В. К.“, где Колесов допустил грубое физическое воздействие „в защиту правоты своего суждения“, не может нами расцениваться иначе, как поступок недостойный культурного человека, поступок позорящий имя интеллигентного казака, тем более претендующего на представительство литературных сил Казачества.

Первыми вышли те члены „Л. К. С.“, которые были непосредственно свидетелями его гнусного поступка.

Другая часть членов „Л. К. С.“, не бывшая в Праге, ознакомившись всесторонне с происшедшим инцидентом, предложила Колесову сложить полномочия председателя „Л. К. С.“, на что он „просто“, как „выборное“ лицо, ответил:

„Не считаю себя виновным, слагать с себя полномочий не собираюсь, свалите!“

Может быть по Колесовской этике и его понятиям это общественно, допустимо, не спорим, но ведь таких, как он — выборный — в литературной среде нет. Последовал выход из семьи.

Аналогичный случай произошел с группой членов „Л. К. С.“, живущей в провинция ЧСР.

Случайное присутствие в Праге этих членов „Л. К. С.“ дало им возможность детально ознакомиться с положением дела. Решение их было таково:

Собравшись на совещание „Л. К. С.“ предложили они Колесову расформировать семью, или сложить полномочия председателя и выйти вообще из состава членов „Л. К. С.“, если ему дорога организация. На что Колесов ответил категорическим отказом.

„Распустить семью? — Ни за что! Уйти из семьи? Никогда! Останусь один, но не выйду“.

Конечно, ничего другого не оставалось, как выйти из состава семьи.

У литературной Каз. семьи не было ни устава, ни писанных законов, жили по казачьим традициям, веря в честность и порядочность друг друга, а потому не можем запретить Ив. Ив. Колесову пользоваться званием „выборного“ семьи, хотя в семье то остался он один.

2) Опасения же Колесова за лозунги „К. Л. С.“: „Да здравствует Казачество, да здравствует каз. худ. литература“ считаем преждевременной тревогой, ибо они лежат в основе вновь образованного „Объединения Каз. Лит. Сил“, в состав которого вошли почти все бывшие члены „Лит. Каз. Семьи“.

Б. члены „Лит. Каз. Семьи“, живущие в Праге:
Поляков К.; Балыков С.; Самсонова Л.;
Стариков Т.; Самсонов М.

Глубокоуважаемый, господин редактор!

Прошу Вас поместить на страницах Вашего уважаемого журнала мое заявление о том, что я, с 29-го апреля, не считаю себя больше в числе членов Литературной Казачьей Семьи.

С совершенным почтением В. Курганский.
Белград 29-IV-29 г.